

Сергей Аксаков

**Разные сочинения С.
Аксакова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А41

А41 **Аксаков С.**
Разные сочинения С. Аксакова / Сергей Аксаков – М.: Книга по Требованию,
2015. – 410 с.

ISBN 978-5-518-10501-0

ISBN 978-5-518-10501-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Благодаря трудамъ нашихъ бібліографовъ и біографовъ, трудамъ, принимаемымъ читающею публикою съ видимымъ участіемъ, мы имѣемъ теперь довольно важныхъ свѣдѣній о писателяхъ второстепенныхъ, которые начинали приходить у насъ въ забвеніе потому, что они имѣли достоинства, относительныя къ своему времени. Кромѣ того, что всѣ такія біографическія свѣдѣнія и розысканія любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы, — въ этомъ вниманіи, въ этихъ знакахъ уваженія къ памяти второстепенныхъ писателей, выражается чувство благодарности, чувство справедливости къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій слѣдъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Писатели второстепенные готовятъ поприще для писателей первоклассныхъ, для великихъ писате-

лей, которые не могли бы явиться, если бы предшествующіе имъ литературные дѣятели не приготовили имъ матеріала для выраженія творческихъ созданій,— среды, въ которой возможно уже проявленіе великаго таланта. Всякой кладетъ свой камень при построеніи зданія народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стѣнъ, погребены ли въ подземныхъ сводахъ, красуются ли на гордомъ куполѣ — все равно, труды всѣхъ почтенны и достойны благодарныхъ воспоминаній.

Желая по возможности содѣйствовать успѣху важнаго, по моему убѣжденію, дѣла, я хочу присоединить къ нему и мою скудную долю. Я нисколько не беру на себя обязанности бібліографа, или біографа, я не собираю свѣдѣній изустныхъ и печатныхъ, разбросанныхъ по журналамъ и брошюркамъ: я стану рассказывать только то, что видѣлъ и слышалъ самъ, при моихъ встрѣчахъ съ разными литераторами. Моя цель — доставить матеріалъ для біографа. Я расскажу также о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на общество тогдашнія литературныя явленія, именно въ томъ кругѣ, въ которомъ я жилъ, или, правильнѣе сказать, куда я заглядывалъ до 1826-го года. Съ этого времени рассказы мои будутъ подробнѣе, послѣдовательнѣе и точнѣе.

1812-й ГОДЪ.

Въ началѣ 1812-го года, зимою, Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ познакомилъ меня въ Москвѣ съ нѣкоторыми литераторами и, прежде всѣхъ, съ Сер. Ник. Глинкою, издававшимъ тогда «Русскій Вѣстникъ». Шушеринъ звалъ издателя «Русскимъ мужичкомъ». Его оригинальная личность, его патріотическое участіе въ Московскихъ событіяхъ 1812-го года гораздо замѣчательнѣе его многотомныхъ сочиненій; говорить о немъ съ полной свободою еще не время. Скажу только, что я нашелъ тогда въ Сергѣе Николаевичѣ Глинкѣ, не смотря на его странности въ пріемахъ, привычкахъ и сужденіяхъ, — самаго добраго, пріятнаго, открытаго и правдиваго чело­вѣка. Русское направленіе было для него главнымъ дѣломъ въ жизни; проповѣдывать его онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ: ибо такое проповѣдываніе онъ находилъ полезнымъ для государства, котораго былъ гражданиномъ. Это слово часто употреблялось Глинкой въ разговорахъ. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу исключительныхъ, такъ называемыхъ и тогда, Славянофиловъ. Воспитанникъ Кадетскаго корпуса, товарищъ и пріятель Озерова, онъ былъ такой же горячій любитель Французскаго языка и Французской литературы, какъ Озеровъ, зналъ хорошо этотъ языкъ, помнилъ множество стиховъ и прозы

лучшихъ Французскихъ писателей и любилъ читать ихъ наизусть. Онъ былъ живаго, даже торопливаго нрава: весь состоялъ изъ порывовъ. Онъ думалъ, говорилъ и писалъ, такъ сказать, *на ходу*, сентенціями; а потому все, имъ написанное, не смотря на природную даровитость автора, не выдерживало и тогда моего юношескаго разбора и суда. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, безъ исключенія, вездѣ вырывались горчія слова, живыя выраженія, даже строки, полныя внутренняго чувства; онъ производили сначала впечатлѣніе, но, повторенныя сочинителемъ нѣсколько разъ, иногда не кстати, сдѣлавшись стереотипными, казенными фразами — онъ начинали уже опошляться и надоедать людямъ разборчивымъ, а потому и взыскательнымъ. Я не знаю, кто-то сказалъ, вѣроятно послѣ нашествія Французовъ, и сказалъ довольно вѣрно, что «Глинка былъ бы не дурень, еслибъ у него не было соуса изъ «вѣры, вѣрности и Донцевъ (*), который и хорошъ для винегрета, а онъ обливаетъ имъ весь блода». Впрочемъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, особенно послѣ великаго двѣнадцатаго года, особенно на Дону, Глинка пользовался большимъ авторитетомъ. Успѣхъ его «Русскаго Вѣстника» и еще болѣе блистательный, хотя не продолжитель-

---

(*) Въ 1813-мъ году С. Н. Глинка напечаталъ книжку или брошюрку: «Вѣра, вѣрность и слава Донцевъ»; она-то вѣроятно подала поводъ къ сказанной мною шуткѣ.

ный, успѣхъ его пансіона для Донцевъ, служить тому неоспоримымъ доказательствомъ. Доброта души С. Н. Глинка была извѣстна его знакомымъ: онъ не могъ видѣть бѣднаго челоуѣка, не подѣлившись всѣмъ, что имѣлъ, забывалъ свое собственное положеніе и не думая о будущемъ, отчего, не смотря на значительный иногда приливъ денегъ, всегда нуждался въ нихъ.... Но, повторяю, рано еще говорить обо всемъ на бѣло. — Сер. Ник. Глинка очень меня полюбилъ, особенно за мое Русское направленіе. Онъ захотѣлъ познакомить меня съ Никол. Мих. Шатровымъ, который былъ тогда въ славѣ, и въ свѣтскомъ обществѣ и въ кругу Московскихъ литераторовъ, за стихотвореніе свое: «Мысли Россіянина при гробѣ Екатерины Великой» (*), въ которомъ точно очень много было сильныхъ стиховъ; они казались смѣлыми и удобоприлагались къ современной эпохѣ. Еще болѣе славился Шатровъ подражаніями или переложеніями псалмовъ Давида, которыя положительно имѣютъ болѣе большое достоинство. Шатровъ былъ сынъ пльишаго Персіянина *Шатра*, вывезеннаго мальчикомъ въ Россію около 1727-го года. Шатръ воспитался въ домѣ Мих. Афан. Матюшкина, командовавшаго Русскими войсками въ

(*) Въ послѣдствіи оно называлось иначе, а именно: «Праху Екатерины Второй»; подъ симъ заглавіемъ напечатано оно въ третьей части «Стихотвореній Н. Шатрова», изданныхъ въ пользу его отъ Россійской Академіи.

Персидскомъ походѣ; у него же въ домѣ выросъ и воспитался Н. М. Шатровъ, котораго потомъ опредѣлили въ службу въ Москвѣ, гдѣ онъ успѣлъ познаться и сблизиться со многими знатными людьми, и особенно съ другомъ Новикова и покровителемъ знаній и талантовъ, богатымъ баринѣмъ, П. А. Татищевымъ, у котораго въ домѣ и жилъ. Умомъ, дѣльностью по службѣ и талантомъ, а всего болѣе покровительствомъ Татищева, Шатровъ скоро проложилъ себѣ дорогу. Дослужившись до чина, который давалъ ему право на потомственное дворянство, онъ просилъ себѣ грамоты и герба. Императоръ Павелъ I-ый приказалъ ему составить гербъ, помѣстя въ немъ золотую лиру въ голубомъ полѣ (*). Шатровъ не имѣлъ научнаго образованія, но Русскую грамоту зналъ твердо и языкъ у него вездѣ правиленъ и благозвученъ. Онъ былъ не маловажнаго о себѣ мнѣнія, и въ тоже время человекъ веселый и любезный по своему; въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собою; къ обществу высшаго или, вѣрнѣе сказать, лучшаго круга новыхъ литераторовъ онъ не принадлежалъ; по крайней мѣрѣ и никогда не видалъ его ни у Кокошкина, ни у другихъ. Шатровъ обладалъ меня и между прочимъ

(*) Все это я слышалъ тогда же отъ Шушерина нѣсколько въ прератпомъ видѣ; но сказанное мною здѣсь сообщено мнѣ изъ достойныхъ источниковъ С. А. М. и П. И. Б.

спросилъ, знакомъ ли я съ знаменитѣть Русскимъ писателемъ, Николаемъ Петровичемъ Николаевымъ? Должно признаться, что я не имѣлъ никакого понятія о знаменитости Николаева; слыхалъ только отъ Шушерина объ его трагедіи: «Сорена и Замиръ», напечатанной въ «Россійскомъ Театрѣ» и не попавшей въ «Творенія Николаева», которую обыкновенно называли просто «Сорена». Шушеринъ говаривалъ мнѣ, что въ ней есть славныя мѣста, но что послѣ Крюковскаго и Озерова ее читать нельзя, потому что языкъ слишкомъ устарѣлъ. Хотя я очень помнилъ два стиха изъ одной рукописной сатиры Кн. Горчакова: (*)

«Гусситы, Попугай предпочтены Соревъ
И Коцебятина одна у насъ на сценѣ,»

изъ которыхъ я долженъ былъ заключить, что Сорена имѣетъ высокое достоинство; но на ту пору я все это забылъ и откровенно отвѣчалъ, что не имѣю понятія о Николаевѣ. Шатровъ удивился, посмотрѣлъ на меня съ улыбкою сожалѣнія и сказалъ: «это отъ того, что вы всегда жили въ Петербургѣ, а тамъ не умѣютъ и не хотятъ цѣнить Московскихъ талантовъ. Я познакомлю васъ съ Николаевымъ и попрошу его прочесть что-нибудь изъ новой его трагедіи

(*) Рукописная сатира Кн. Горчакова пользовалась въ восьмидесятихъ годахъ большою известностью и особеннымъ уваженіемъ въ славянофильскомъ кругу Шашкова. Кажется, онъ никогда не были

«Малекъ-Адель», заимствованной изъ «Матильды» (*); эта трагедія лучше всѣхъ его прежнихъ сочиненій и написана съ такимъ огнемъ, какъ будто ее писалъ молодой человекъ. Подъемте завтра же поклониться нашему славному сѣпцу». Я очень былъ радъ такому предложенію. Шатровъ прочелъ намъ два новыхъ псалма и какое-то патріотическое стихотвореніе; псалмами я восхищался отъ искренняго сердца.

Тотъ же день Шушеринъ, чтобы приготовить мнѣ хорошій пріемъ, съѣздилъ къ Николеву, разумеется разхвалилъ меня и мое чтеніе и, къ сожалѣнію, наговорилъ лишняго о моемъ восхищеніи и благоговѣніи къ таланту хозяина. Шушеринъ однако успѣлъ меня предупредить о томъ и дать мнѣ болѣе подроб-

---

напечатаны. Въ нихъ сильно и рѣзко выставлялись тогдашнія злоупотребленія. Описывая роскошные пиршества чиновниковъ, наворонавшихъ себя богатство отъ продовольствія солдатъ, сочинитель говоритъ:

«Межъ тѣмъ какъ вопль, къ нимъ пришедшій на клюкъ,
И черезъ нихъ одинъ не съ лавровою вѣнкой,
Простря подь оконью изстрѣленну десницу,
За счастье чтить достать отъ ихъ стола крупицу.»

Не менѣе замѣчательны и слѣдующіе два стиха, которые говоритъ одинъ изъ общественныхъ грабителей:

«И шествуя путемъ воровъ безъ остановки,
На шею съ лентою, избавлюсь отъ веревки.»

Да проститъ мнѣ гнѣвъ благороднаго сочинителя этихъ стиховъ, если память моя сколько-нибудь ихъ искажила!

(*) Матильда или Рыцари Крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г-жи Коттенъ. Въ брошюрѣ «Памятникъ друзей П. П. Циколена» два раза упоминается о неапечатанной трагедіи «Матильда»; вѣроятно, ее слышалъ я подъ названіемъ «Малекъ-Адель».

ное понятіе о Соренъ, даже прочелъ нѣкоторыя мѣста наизусть. Онъ разсказалъ мнѣ, что Николевъ любить похвалы и что мнѣ, какъ очень молодому (мнѣ было 20-ть лѣтъ) и неизвѣстному литератору, только что вступающему на это поприще (я переводилъ тогда «Филоктета»), необходимо высказать мое удивленіе къ великимъ твореніямъ Николева. Это меня порасхолодило, но дѣлать было нечего. Я пріѣхалъ на другой день по утру къ Шатрову, и мы вмѣстѣ отправились къ слѣпому поэту, который желалъ казаться зрячимъ и очень не любилъ, если кто-нибудь давалъ ему чувствовать, что знаетъ его слѣпоту. Объ этомъ предупредилъ меня Шатровъ. Николевъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ: онъ былъ одѣтъ парадно и неопратно, чего по слѣпотѣ своей не могъ видѣть, но чего терпѣть не могъ. Онъ даже хвалился всегда свѣжестью своего бѣлья и чистотою въ комнатахъ, тогда какъ, напротивъ, все было грязно и въ безпорядкѣ: разумѣется, никто не выводилъ его изъ пріятнаго заблужденія. Николевъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола; возле него стоялъ мальчикъ. Отворяя намъ дверь, человекъ громко сказалъ: «Николай Михайловичъ и господинъ Аксаковъ». Николевъ всталъ, очень свободно пошелъ намъ на встрѣчу, протянулъ мнѣ руку, привѣтствовалъ очень ласково, запросто поздоровался съ Шатовымъ и, пригласивъ насъ сѣсть, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ въ нихъ такъ ловко, что

еслибъ я не былъ предупрежденъ, то не догадался бы, что онъ слѣпъ, тѣмъ болѣе, что глаза его были совершенно ясны. Хозяишъ былъ очень любезенъ; но въ этой любезности слышалось снисхожденіе знаменитаго писателя, который съ высоты своего величія, благодушно и привѣтливо обращается къ простымъ смертнымъ. Шатровъ, безъ всякихъ церемоній, называлъ его въ глаза «великимъ Николевымъ», и онъ принималъ такія слова, какъ должную и привычную дань, все равно, какъ будто называли его Николаемъ Петровичемъ. Я кое-какъ подлаживался къ Шатрову; и еслибъ Николаевъ не былъ слѣпъ, то могъ бы замѣтить, по моему смущенному лицу, что я говорилъ не искренно. Впрочемъ едва ли такъ. Тутъ самоувѣренность была такъ сильна, что и смущеніе и молчаніе было бы принято за выраженіе того благоговѣнія, съ которымъ обыкновенный человѣкъ приближается въ первый разъ къ великому чловѣку. Разговоръ вертѣлся на сочиненіяхъ хозяина; Шатровъ управлялъ разговоромъ и лгалъ на меня безсовѣстно, разумѣется, на счетъ моего благоговѣнія къ сочиненіямъ Николаева. Когда рѣчь дошла до новой трагедіи хозяина, до «Малекъ-Адела», то я сказалъ, что былъ бы очень счастливъ, еслибъ могъ ее прочесть или что-нибудь изъ нея услышать. Николаевъ отвѣчалъ, что «кромѣ писца никто не имѣлъ его трагедіи въ своихъ рукахъ, но что онъ самъ, зная ее наизусть, *играетъ* нѣкоторыя сцены изъ нея